

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.21684/2587-8484-2023-7-2-19-32

УДК 662.5

Критика воззрений М. Вебера с позиций исторического материализма: эпизод раннего советского опыта

Синютин Михаил Владимирович¹

¹ доктор социологических наук, доцент, профессор факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета; ассоциированный научный сотрудник Социологического Института РАН, Санкт-Петербург, Россия
m.sinutin@spbu.ru

Аннотация. Совершенствование познания раннего периода развития советской социологии (1920–1940-е гг.) продолжает быть актуальным. Большую пользу несут точечные биографические разработки. Так, например, именно на данный период приходится активная научно-образовательная деятельность Николая Николаевича Андреева (1876–1956), проявившего себя в качестве одного из создателей советской социологической традиции материалистического понимания истории. Характерной и показательной стороной его творчества является критическое осмысление воззрений М. Вебера, представленное как в публикациях, так и в университетских лекциях. Именно анализу данного вопроса посвящена предлагаемая статья. Статья вносит вклад в наметившуюся в социологической литературе дискуссию относительно понимания роли и места раннего периода советской социологии. Предлагаемые подходы и решения подводят к выводу о значимости достижений, сделанных социологами данного времени не только в области эмпирических исследований, но прежде всего в сфере теории. Теоретические разработки ознаменовались обоснованием возможностей и преимуществ материалистического понимания истории перед остальными социологическими подходами. Показательным примером является критическая оценка Н. Н. Андреевым воззрений М. Вебера, которые рассматривались в качестве неокантианского способа формирования методологии социальных наук. Н. Н. Андреев специализировался на вопросах, которые оказались в центре полемики марксизма и неокантианства начала XX столетия. Поэтому его отношение к веберовскому творчеству обусловлено как информированностью отечественной науки, так и общим уровнем развития советской социологической теории.

Ключевые слова: Николай Николаевич Андреев, неокантианство, Макс Вебер, советская социология, исторический материализм.

Цитирование: Синютин М. В. Критика воззрений М. Вебера с позиций исторического материализма: эпизод раннего советского опыта / М. В. Синютин // Siberian Socium. 2023. Том 7. № 2 (24). С. 19-32.
DOI: 10.21684/2587-8484-2023-7-2-19-32

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ВСТРЕЧА

В судьбе Макса Вебера период 1897-1903 гг. ознаменовался тяжелым психологическим кризисом, упадком сил и приостановкой активной академической карьеры. По воспоминаниям Марианны Вебер, его жены, «[п]отребность ощущать себя изнемогающим под бременем работы погасла»

[5, с. 209]. В связи с личными переживаниями он добивается от Гейдельбергского университета длительного отпуска с сохранением заработной платы. 1901–1903 гг. Макс Вебер проводит в постоянных разъездах, стремясь найти на курортах уединение столь необходимое ему для восстановления сил и душевного покоя. Эта творческая

пауза стала подготовительным этапом для последующего успеха в социологическом творчестве.

Как раз в это время, а именно 8 мая 1901 г., на философский факультет Гейдельбергского университета поступает Николай Андреев [23]. Предыдущий семестр в статусе вольнослушателя он провел в Берлинском университете, устроившись туда по рекомендации влиятельного русского публициста Г. Б. Йоллоса и активном содействии Г. Шмоллера. В Гейдельберге Н. Н. Андреев поселяется в квартире по адресу Карпфенгассе 4, короткой стометровой улочке, выходящей на знаменитую Хауптштрассе — магистраль старого Гейдельберга. Именно на углу этих двух улиц стоит дом (Hauptstrasse 73), в котором тогда размещалась семья Веберов.

Обратить внимание на данный исторический эпизод имеет смысл ввиду того обстоятельства, что Н. Н. Андреев на протяжении дальнейшей своей работы в Ленинградских вузах (1920-1940 гг.) знакомил студенческую аудиторию с идеями Макса Вебера, систематически формируя восприятие этих идей в целом поколении первых советских марксистов в Ленинграде. Кроме того, взгляды М. Вебера он рассмотрел в ряде своих печатных работ. Каким же было андреевское восприятие Вебера, и почему оно было именно таким — предстоит разобраться в данной статье. Важно также проанализировать аргументацию позиции Н. Н. Андреева в отношении М. Вебера. Все это поможет понять отношение к трудам М. Вебера, оформившееся в раннем советском марксизме.

Макс Вебер был всего на десять лет старше Н. Н. Андреева, но в истории они отметились как представители разных эпох. Водоразделом стал преждевременный уход М. Вебера из жизни в 1920 г. В отечественной социологической традиции запечатлелись преимущественно труды Н. Н. Андреева советского периода, когда М. Вебера уже не стало. Однако в первое десятилетие советской власти в русском переводе вышли следующие его работы: «Город» (Пг., 1923), «История хозяйства: Очерк всеобщей социальной и экономической истории» (Пг., 1923), «Аграрная история древнего мира» (М., 1925), «Хозяйственная

этика мировых религий» (Атеист. 1928. № 25), «Протестантские секты и дух капитализма» (Атеист. 1928. № 26), «Протестантская этика и дух капитализма» (Атеист. 1928. № 30). В каталоге домашней библиотеки Андреева числится в двух экземплярах книга Вебера «Аграрная история древнего мира» (пер. под ред. Д. Петрушевского. Изд. Сабашникова, Москва, 1928). Материалы семейного архива Андреевых свидетельствуют о том, что читал он и другие работы немецкого социолога.

Активное общение М. Вебера с русскими студентами Гейдельберга (Б. А. Кистяковским, Ф. А. Степуном и др.) было спровоцировано началом русской революции 1905 г. [13, 7, 21]. Политический интерес М. Вебера был также страстно возбужден, когда в 1905 г. разразилась первая русская революция. М. Вебер эмоционально сжился с душой и культурой русского народа и в течение ряда месяцев, затаив дыхание, напряженно следил за развитием событий в России. В 1906 г. в Петербурге была напечатана его книга «Исторический очерк освободительного движения в России и положение буржуазной демократии».

Но такой интерес М. Вебера к России ещё не был замечен в годы его пребывания в Гейдельберге одновременно с Н. Н. Андреевым. Аналогично в этот период нет следов интереса к нему со стороны Н. Н. Андреева. В осеннем семестре 1903–1904 гг. (ноябрь–март) Николай Николаевич посещал курс Вильгельма Виндельбанда «Теория познания и метафизика», который одновременно изучала Марианна Вебер [22]. Это единственный период, когда они с М. Вебером могли пересекаться, хотя жили уже в разных концах города (Н. Н. Андреев перебрался на ул. Штайгервег, 51 на южной окраине города как раз напротив кладбища, где будет похоронен Макс Вебер).

Н. Н. Андреев пропускает летний семестр 1904 г. в Гейдельберге, а на зимний перебирается в Страсбург. Параллельно М. Вебер во второй половине этого года отправляется в США. И дальше возможность их встречи исключается. Однако сам период, когда они жили по сосед-

ству, ознаменован активным интересом обоих к прогрессирующему социологическому знанию. Только один развивал историко-материалистическую критику неокантианства, другой, наоборот, неокантианскую критику исторического материализма.

Любопытно, что в то время, когда Н. Н. Андреев обучался в Гейдельберге, М. Вебер работал над такими методологически важными трудами, как «Рошер и Книс и основы политической экономики» (1902), «Объективность социально-научного и социально-политического познания» (1904), «Протестантская этика и дух капитализма» (1904).

ОРИЕНТИР НА ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

В своих социологических работах Н. Н. Андреев подвергает рассмотрению, главным образом, статью М. Вебера «Die «Objektivität» sozialwissenschaftlicher und sozialpolitischer Erkenntnis», вышедшую в 1904 г. [4]. Показательно, что на неё же ссылается Н. И. Кареев при характеристике методологии М. Вебера [10, с. 152–153]. Из нее исходит и сторонник веберовского подхода Д. М. Петрушевский. Очевидно, что она широко обсуждалась в кругах российских социологов тех лет. Творчество М. Вебера осваивалось социологическим сообществом в несколько этапов. Поэтому стоит учесть, что восприятие его идей в ранний советский период (1920–1940 гг.), во-первых, отталкивалось от сравнительно ограниченного круга источников и, во-вторых, происходило в контексте научного интереса той эпохи, пронизанной борьбой за социализм.

Существенно то, что Н. Н. Андреев воспринимал идеи М. Вебера не с «чистого листа», приехав в Гейдельберг с уже сформированной, пусть даже не в полной мере, научной позицией, основанной на принципах материалистического понимания истории. Основываясь на отдельных работах К. Маркса, Ф. Энгельса и Г. В. Плеханова, он был нацелен на совершенствование своей позиции в процессе самостоятельного обучения. По всей видимости, пересмотру эти принципы уже не подлежали.

В значительной степени марксистские установки Н. Н. Андреева подкреплялись его участием в социал-демократической деятельности. Поездка в Германию на учебу была вызвана опасностью преследований за участие в революционном кружке в его родном Новоторжковском уезде Тверской губернии. За рубежом эта работа не прекратилась, а только усилилась. Став членом РСДРП, он участвовал в Берлинской транспортной группе, обеспечивающей перевозку нелегальной литературы в Россию. Н. Н. Андреев общался с рядом активных российских социал-демократов — В. И. Лениным, А. В. Луначарским, Л. Д. Троцким, М. С. Ольминским, В. Д. Бонч-Бруевичем, Л. Б. Красиным. Именно среди этого поколения русского студенчества в Европе в период предреволюционных надежд 1900–1905 гг. было наиболее распространено социалистическое мировоззрение.

Посещая занятия таких известных профессоров, как В. Дильтей, Ф. Паульсен, Г. Зиммель, К. Фишер, В. Виндельбанд, Г. Еллинек, В. Вундт, К. Лампрехт, Н. Н. Андреев уже воспринимал их идеи в свете своего опыта историко-материалистических воззрений. Сохранившиеся в его архиве конспекты тех лет демонстрируют круг основных интересовавших его проблем и подходов. В первую очередь его занимала проблема объективности и познаваемости окружающего мира. Немецкие неокантианцы, которыми был богат г. Гейдельберг, предлагали такое решение, которое Н. Н. Андреев не мог принять. Он был уже достаточно начитанным в интересующей его области, знаком со взглядами О. Конта, Г. Спенсера, Дж. Ст. Милля, Л. Уорда, М. Ферворна, Н. Г. Чернышевского, Г. В. Плеханова и многих других, а также еще до приезда в Германию самостоятельно и аргументированно рассуждал на социологические и философские темы.

Есть весомые основания полагать, что критическое восприятие неокантианства было подготовлено в мировоззрении Н. Н. Андреева под влиянием творчества Георгия Валентиновича Плеханова. Как раз в конце 1890-х гг. Г. В. Плеханов выступил против неокантианской критики исторического материализма (статьи против

Э. Бернштейна, К. Шмидта, П. Струве). Схожая критическая позиция по отношению к неокантианству прозвучала в ранних статьях Н. Н. Андреева 1904–1908 гг. о Р. Штаммлере, И. Дицгене, Н. А. Бердяеве, А. А. Богданове. Особое отношение Н. Н. Андреева к творчеству Г. В. Плеханова подтверждается тем, что в первые годы советской власти, после смерти Г. В. Плеханова, он написал ряд статей о его наследии, при поддержке Д. Б. Рязанова участвовал в издании его произведений. В качестве известного знатока творчества Г. В. Плеханова он также получил приглашение от украинских социал-демократов издать свои работы о нем.

Не исключено, что в годы учебы Н. Н. Андреева впечатлило выступление В. И. Ленина против неокантианской ревизии марксизма, направленной на отказ от материалистического понимания истории. Однако по существу у В. И. Ленина речь шла о необходимости применения диалектики к общественной жизни. Марксисты связывали усиление неокантианской критики диалектики и материалистического понимания истории с распространением буржуазной идеологии, стремящейся к оправданию капиталистического порядка. Таким образом, критический фон восприятия неокантианства Н. Н. Андреевым был уже подготовлен ведущими мыслителями-марксистами того времени.

Вопрос отношения к неокантианству носил не только научный, но и политический характер, что делало его обсуждение еще более острым. С конца 1890-х гг. неокантианская критика материалистического понимания истории получила распространение в европейской, и особенно немецкой, социал-демократии, повлияв на оппортунистические и ревизионистские позиции лидеров Второго Интернационала (Э. Бернштейна, Л. Вольтмана, К. Форлендера, Г. Эйслера) [6]. Этот поворот не мог не отразиться на российской социал-демократии, подталкивал к игнорированию важности мировоззренческих и философских вопросов. В. И. Ленин прямо увязывал политическую трансформацию социал-демократов с воздействием неокантианской теории на их умы, оказавшиеся во главе революцион-

ного движения в момент серьезных социальных сдвигов начала XX в. Поэтому после революции 1917 г. советская стратегия политизации науки и образования создала потребность в изучении опыта дореволюционной борьбы марксистов с неокантианцами.

Н. Н. Андреев был не единственным критиком неокантианства с позиций марксизма. Эту же задачу в 1920-е гг. так или иначе осуществляли Л. И. Аксельрод, Б. И. Горев, С. З. Каценбоген, М. В. Нечкина, М. В. Серебряков, М. Н. Покровский. Они преимущественно фокусировались на идеях Г. Риккерта и его последователей, в частности русских (А. С. Лаппо-Данилевский, А. А. Чупров, Д. М. Петрушевский, М. М. Хвостов), выступавших против материалистического понимания истории. В русской дореволюционной исторической науке неокантианская методология получила широкое распространение и поддержку [11]. Не случайно в возникшей полемике очень важным оказались вопросы об отношении между социологией и историей, между закономерностью и случайностью, между общим и частным. Именно Н. Н. Андреев представил наиболее полное и обоснованное отношение к этим вопросам с позиций исторического материализма.

В 1910-х гг. тема критики неокантианства и рассмотрения взглядов его отдельных представителей уходит из поля зрения Н. Н. Андреева. Вновь возвращается он к ней лишь в советский период в 1920-е гг., когда возникает широкий спрос на распространение материалистического понимания истории. Именно тогда он начинает внимательнее изучать работы М. Вебера. С одной стороны, записи о М. Вебере как историке появляются в работах Н. Н. Андреева по немецкой истории. С другой стороны, он разбирает взгляды М. Вебера как социолога, критиковавшего материалистическое понимание истории. Надо заметить, что 1920-е гг. стали поворотными для Н. Н. Андреева в плане перехода к академической карьере. Как последователь исторического материализма он оказался востребован советской высшей школой и получил предложение участвовать в формировании новой советской системы

преподавания общественных наук в вузах Петрограда-Ленинграда. В 1920 г. он стал членом Научного общества марксистов, учрежденного на рабфаке Петроградского университета. Вместе с В. А. Быстрынским, М. В. Серебряковым, Э. Э. Эссенем Н. Н. Андреев участвовал в организации первых регулярных университетских занятий по историческому материализму. Этой работе он посвятил последующие три десятка лет своей жизни. Преподавание материалистического понимания истории осуществлялось в обстановке борьбы с враждебными ему философскими и социологическими теориями, к которым относилось неокантианство, а также с тенденциями искажения марксизма. Только к середине 1930-х гг., как отмечали Б. А. Чагин и В. И. Клушин, завершился поворот высшей школы к марксизму [20]. Это совпало с накалом внутривластной борьбы в стране, неминуемо распространившейся на академические круги.

О НЕОКАНТИАНСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ М. ВЕБЕРА

Если вернуться к вопросу о том, что в центре внимания Н. Н. Андреева, вслед за другими отечественными социологами 1920-40-х гг., оказалась работа М. Вебера ««Объективность» социально-научного и социально-политического познания», то надо обратить внимание на некоторые важные детали [4]. Интерес к данной статье связан с ситуацией, сложившейся в русской общественной мысли той эпохи, и должен рассматриваться с учетом масштабного распространения марксизма. Поэтому направления и теории, предлагавшие развернутую полемику с теорией исторического материализма, не оставались без ответа как в случае с неокантианством, получившем поддержку в авторитетных академических кругах европейского общества. Это тем более становилось востребованным, поскольку полемика велась о фундаментальных вопросах социального познания как руководства социальной практикой в исторически переломный момент. Заметно, что Н. Н. Андреев не делает полного анализа веберовской статьи, а касается лишь вопросов, представляющих для него прин-

ципальное значение. Речь идет о тех моментах, когда М. Вебер обращается к материалистическому пониманию истории, разворачивая свои контраргументы.

Во-первых, М. Вебер считает качества явлений действительности не присущими им объективно, а формирующимися в результате направленного познавательного интереса. Познающий субъект, если верить И. Канту, не сомневается в существовании лишь себя. Ссылаясь на авторитет И. Канта, М. Вебер в данной статье указывает, что «понятия суть и только и могут быть мысленными средствами для духовного господства над эмпирической данностью» [4, с. 408]. Иначе говоря, наши понятия противопоставляются реальности вплоть до полного разрыва; они не отражают конкретной сути вещей; понятия конструируются как средства осуществления практических интересов человека. М. Вебером целенаправленно преувеличивается психологическая сторона познания, но нивелируется логическая сторона. Как следствие, преувеличивается относительный характер истины, допускается множественность подходов к одному объекту, т.е. предлагается деление наук по познавательным методам, а не по сферам действительности.

Во-вторых, М. Вебер отмечает бесконечное многообразие действительности причем независимо от того, насколько отдельным является исследуемый объект. Получается, что познающее мышление сталкивается с необходимостью ограничения исследуемых сторон объекта и с неизбежностью объяснения критериев отбора самого существенного. М. Вебер отмечает, что долгое время повторяемость рассматривалась проявлением существенности явления. Однако правильно, по мнению М. Вебера, руководствоваться другим. Важно культурное значение или ценность исследуемых сторон. «Значимое как таковое не совпадает, конечно, ни с одним законом как таковым, и тем меньше, чем более общезначим этот закон. Ведь специфическое значение, которое имеет для нас компонент действительности, заключено совсем не в тех его связях, которые общи для него и многих других» [4, с. 374]. Вебер полагает, что общее обедняет

действительность, делая ее образ бессодержательным, и заключает, что в «науках о культуре познание общего никогда не бывает ценным как таковое» [4, с. 378].

В-третьих, применительно к социальной действительности, как полагает М. Вебер, вопрос каузальности, или причинности, должен решаться не через идею закономерности, а через идею сведения. Вслед за И. Кантом, он подвергает сомнению объективное существование не только объектов действительности, но и связей между ними. Показательно в этом контексте использование М. Вебером термина конstellации для характеристики отношений многочисленных сторон и условий индивидуальных явлений истории. Другими словами, исследователь должен не искать закономерность, а выводить определенное стечение обстоятельств.

Несмотря на видимое выражение симпатии К. Марксу как ученому и мыслителю, М. Вебер категорически отвергает метод материалистического понимания истории как одностороннее упрощение, требующее якобы объяснения любого исторического явления через обнаружение роли экономического фактора в качестве неизменных движущих сил. Своеобразное представление М. Вебера о материалистическом понимании истории имеет отдаленное отношение к концепции К. Маркса и, скорее, выражает критическое восприятие многих односторонних и ошибочных интерпретаций марксизма, распространившихся в общественной мысли.

Свидетельством самого серьезного разбора идей М. Вебера является архивная рукопись Н. Н. Андреева, озаглавленная «Заметки о Вебере» [1]. Рукопись не датирована и относится, учитывая использование новых норм правописания, к периоду 1920-1940 гг. Показателем подзаголовка этой рукописи: «К критике риккерт-веберовских построений». Н. Н. Андреев подробно рассматривает подходы Г. Риккерта и М. Вебера, не проводя между ними принципиальных различий. Скорее всего, это объясняется тем, что в Г. Риккерт он видел глубокого философа, а в М. Вебере — его последователя в сфере социальных наук, о чем свидетельствуют

архивные записи и лекционные курсы. Впрочем, М. Вебер не скрывал, что взял из риккертской логики «наук о культуре» идею разделения наук не только по различию материала познания, но и по различию интереса к материалу, из чего вытекал генерализирующий тип естественных наук и индивидуализирующий тип общественных наук. М. Вебер представлял эту идею как чрезвычайно важную для своего творчества.

Кроме того, увязывание идей М. Вебера и Г. Риккерта объясняется тем, что именно второй тогда был более известен в России как ведущий представитель неокантианства. Критика Н. Н. Андреева нацелена именно на идеи М. Вебера, которые на российской почве активно начинал распространять Д. М. Петрушевский. Характерно, что идеальные типы М. Вебера вместе с историческими категориями Д. М. Петрушевского он называет капитуляцией перед необходимостью изучения повторяющихся фактов в истории. В архиве Н. Н. Андреева сохранилась машинописная рукопись под названием «Границы исторического познания (Риккерт и Маркс)», где М. Вебер хотя и не упоминается, но детально рассматриваются вопросы и подходы, которые будут обозначены в критическом анализе веберовского творчества.

«Заметки о Вебере» начинаются с общего анализа и оценки: «Мне кажется порой, что риккерт-веберовское учение об исторических понятиях является игрой слов. В самом деле, здесь фигурирует прежде всего «действительность в ее бесконечном многообразии», затем «исторические индивидуумы» как часть этой действительности, связанная с какой-либо «ценностной идеей», затем «исторические понятия», в форме которых «исторические индивидуумы» нами познаются. Если этот философский язык перевести на обыкновенный, то получится вот что: мы изучаем не все факты прошлого без различия, мы делаем известный выбор, признавая одни важными, другие неважными, и только важные факты подвергаем изучению, результат которого выражается в форме ряда понятий. «Ценностные идеи» — это идеи, имеющие для нас доминирующее значение при изучении фактов прошлого,

например, идея развития, свободы, культуры, рабочего движения, классовой борьбы, монархии и т.д. Эти идеи обуславливаются временем, социальным положением, степенью культурного развития. Во всем этом нет ничего такого, что не могло быть признано всяким историком. И если создается особая терминология, то здесь имеется какой-то умысел. Риккерт его вскрывает, говоря об абсолютной ценности, с точки зрения которой происходит оценка прошлого, и вводя в изучение прошлого телеологический момент. Все дело в том, чтобы перекинуть мостик от научно-позитивного изучения действительности к метафизике и ввести в науку в качестве высших принципов познавательной оценки действительности метафизические принципы. Для этого и создается наукообразное и подкупающее своей логичностью построение» [1].

Складывается представление, что Н. Н. Андреев полностью осмыслил свое отношение к неокантианской системе, а главное, был готов продемонстрировать ее слабости по сравнению с марксизмом. В центре внимания находилась проблема познания социальной реальности. Причем Н. Н. Андреев замечает, что, как свойственно неокантианству, у М. Вебера проблематика сориентирована на теорию познания, что оставляет совершенно в тени социальную онтологию. Дело в следующем: неокантианство построило свою теорию на критическом осмыслении И. Канта двойственности понимания человеческого познания, не пошедшем далее констатации антинормичности процесса. В итоге диалектическое понимание проблемы оказалось у них в зачаточном состоянии, что выразилось в одностороннем разделении логического и исторического, разума и чувства, общего и частного, в разделении идеографического и номотетического методов, якобы, сообразно двум формам действительности (природной и человеческой). Марксизм же, развивая диалектику, находит перспективы преодоления односторонности последователей И. Канта, раскрывая возможность их внутреннего взаимодействия и взаимообусловленности. Но сама такая перспектива не напрашивалась познающему мышлению того времени в легко до-

ступной форме, поскольку требовала внедрения в практику научного мышления новых познавательных условий и производства новых понятий, существенных для изменившегося человеческого сообщества. Требовалось умение раскрывать целостность условий, обеспечивающих содержательное обобщение противоречивого источника развития всех форм действительности. Русские марксисты, подобно Н. Н. Андрееву, шли к данной перспективе постепенно, особенно, как оказалось, по мере восприятия и освоения творчества В. И. Ленина.

Н. Н. Андреев для себя фиксирует, что М. Вебер и Г. Риккерт резко противопоставляют познание общего и познание частного и приходят к заключению о допустимости использования понятия закономерности только в первом случае. Критикуя подобное противопоставление, он заявляет о применимости понятия закономерности к обоим случаям. Таким образом, он идет в направлении диалектического решения соотношения общего и частного. Вот его объяснение: «Существует ряд явлений, которые познаются только как частные явления, которые, будучи сведены к общим законам, теряют как раз то, что образует их специфическая особенность. Например, революция 1905 г. [в России] не может быть познана, если мы изучаем ее как революцию вообще. Лишь в той мере мы ее познаем, в какой изучаем те ее явления, которые имели место в 1905 г., а не те, которые разыгрываются во всей вообще революции. Дело тут не в том, что в одном случае мы имеем в виду частное, а в другое общее. Дело в том, что в самой действительности существует и общее, и частное» [1].

Н. Н. Андреев исходит из того, что в действительности существуют как частные, так и общие явления. Во-первых, он рассматривает вопрос в контексте повторяемости: общее есть то, что проявляется во множестве частного, это есть повторение частного. Но частное является не только повторением общего. «Одни явления повторяются бесконечное число раз, другие повторяются немного, третьи — совершаются однажды» [1]. В этом случае речь идет об абстрактно-общем, которое в разной мере присутствует в

ряде частных явлений. Закономерность связывается именно с таким уровнем понимания общего. И это решение вопроса еще далеко от развитой диалектики. Но Н. Н. Андреев высоко оценивает как раз историческую заслугу неокантианцев в повороте общественной науки к частным явлениям, к эмпирической действительности, полагая, правда, что после поворота они ступили на ложный, метафизический путь.

Во-вторых, Н. Н. Андреев утверждает, что порядок действительного соотношения общего и частного не зависит от познающего мышления, не привносится им, как полагают неокантианцы. Допуская, что человеческий интерес может выступать причиной познания, особенно если этот интерес имеет общественное выражение, Н. Н. Андреев исключает факт создания этим интересом характера явлений действительности. Его аргумент сводится к тому, что если бы было так, то люди бы господствовали над природой, а не были ей подчинены. Диалектический подход марксиста предполагает, что познание должно руководствоваться природой познаваемого объекта, а не природой познающего субъекта. Как бы ни была важна природа интереса человека к объекту для выживания, она случайна и не существенна для природы самого объекта.

В целом при критическом рассмотрении неокантианства Н. Н. Андреев уделяет значительное внимание роли познающего интереса в процессе познания социальной действительности ввиду большого интереса самих неокантианцев к данному вопросу. Н. Н. Андреев подчеркивает, что проблема познающего интереса для неокантианцев превращается в проблему отнесения к ценности, что превращает ценность в ключевое понятие теории познания. Однако далее Н. Н. Андреев допускает сближение ценности и истины в такой степени, что стремление раскрыть истинную природу вещей начинает совпадать для него со стремлением извлечь полезность из них, полагая, что человеческая практика и выявляет закономерность действительности. Поэтому следует вывод: «Если понятие ценности мною правильно понято, то отсюда следует, что в рассуждениях Риккерта и Вебера нет ничего такого, против

чего можно было бы возражать: они правильно изображают психологию познавательной работы (они полагают, что это логика, а не психология)» [1]. Тем не менее Н. Н. Андреев все же сохраняет сомнение, не приведет ли рассмотрение истории общества как процесса осуществления желательных ценностей к метафизике.

Н. Н. Андреев не соглашается с отклонением М. Вебера в сторону идеи об упорядочивании познающим мышлением хаоса окружающей действительности благодаря интересу, вызывающему необходимость совершенствования системы понятий об этой действительности. По этому поводу он использует цитату М. Вебера: «В науке о культуре образование понятий зависит от постановки проблем, а эта последняя меняется вместе с содержанием самой культуры... Величайшие успехи в области социальных наук фактически (нем. sachlich) связаны с перестановкой (нем. die verschiebung) практических культурных проблем и облекаются в форму критики образования понятий» (Цит. По Weber, M. «Die «Objektivität» sozialwissenschaftlicher und sozialpolitischer Erkenntnis» в журнале «Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik» 19 (1904), 1. 207-208) [1]. Н. Н. Андреев видит здесь преувеличение роли исследовательского интереса, но не замечает его противопоставления сущности исследуемого объекта.

Стоит заметить, что в конспективных записях и набросках Н. Н. Андреев в ряде моментов еще не демонстрирует той категоричности суждений относительно позиции М. Вебера, которая появится в его позднем творчестве (печатном и лекционном). Это может быть связано с непубличным характером записей, а также с ранней стадией осмысления этой позиции, когда не сформирована полная картина.

ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА М. ВЕБЕРА

Уже на последнем этапе научной карьеры в диссертации, защищенной в 1946 г., Н. Н. Андреев несколько раз обращается к творчеству М. Вебера. Поскольку диссертация направлена на рассмотрение соотношения истории и социоло-

гии, то решения, предлагаемые неокантианской школой, обсуждаются достаточно обстоятельно. Суждения исследователя выглядят очень категоричными. Во-первых, деление наук сторонниками Г. Риккерта на науки о законах (науки о природе) и на науки об индивидуальном (история) характеризуется как плод метафизического мышления, лишенный научного значения. Н. Н. Андреев утверждает, что в истории познающее мышление встречается как индивидуальные, неповторяющиеся, так и типические, повторяющиеся, факты. Их все изучает история, и им всем присуща закономерность, основанная на внутренних причинах. Во-вторых, Н. Н. Андреев критикует идею В. Вундта, широко принятую неокантианцами, о различии наук не по предмету, а по методу. Из этой идеи вытекает возможность познания одного предмета разными методами, что не приемлет марксистский подход. Сторонником данной идеи называется М. Вебер, поскольку он различает два типа познания (индивидуализирующий и генерализирующий) в отношении одной и той же эмпирической действительности. По этой логике получается, что история, основанная на индивидуализирующем методе, и социология, основанная на генерализирующем методе, изучают одну социальную реальность. Н. Н. Андреев рассматривает такое противопоставление односторонним, недialeктическим. В подтверждение он указывает, что М. Вебер вынужден сгладить положение признанием возможности познания индивидуального, частного с помощью общих мыслительных конструкций, получивших название «идеальных типов». «Та полярная противоположность, — пишет Н. Н. Андреев, — какая устанавливается школой Риккерта между руководящими принципами индивидуализирующего и генерализирующего познания реально не существует» [2, с. 138]. Умозрение, по его словам, всегда соотносится и переплетается с контролем опыта и наблюдения. Дialeктическое решение предлагает марксизм, нацеливая познающее мышление на необходимость поиска конкретной действительности в развитии.

В 1920-е гг. аналогичную оценку социологического метода Г. Риккерта и М. Вебера

с позиций диалектики представил Г. Лукач [15, с. 241]. Полвека спустя диалектическое решение проблемы в материализме детальнее разъяснил Э. В. Ильенков: «Всеобщее отнюдь не то многократно повторенное в каждом отдельно взятом единичном предмете сходство, которое представляется в виде общего признака и фиксируется законом. Оно прежде всего закономерная связь двух (или более) особенных индивидов, которая превращает их в моменты одного и того же конкретного, реального, а отнюдь не только номинального единства. И последнее гораздо резоннее представить как совокупность различных особенных моментов, нежели в виде неопределенного множества безразличных друг к другу единиц. Всеобщее выступает тут как закон или принцип связи таких деталей в составе некоторого целого... Здесь требуется не абстракция, а анализ» [9, с. 253].

Вместе с тем Н. Н. Андреев позитивно относится к веберовским идеальным типам как особым понятиям, полагая, что они вполне совместимы с марксизмом, который давно с ними знаком и ими активно пользуется в качестве средств научного познания. Правда, он полагает, что это использование осуществляется уже диалектически, по-другому, не так, как у М. Вебера.

Н. Н. Андреев касается вопроса отвлечения исторических понятий или абстрагирования. Для него любое понятие выступает результатом отвлечения. Этот процесс осуществляется как отбор исследователем одних фактов и игнорирование остальных. Понятия, им составленные, таким образом, охватывают не всю действительность, а лишь ту ее часть, которая имеет для него известное значение (отношение и определенные ценности). Выходит, что отвлечение всегда подвержено влиянию значимости исследуемого факта для исследователя.

Н. Н. Андреев рассматривал систему взглядов М. Вебера в своём курсе «Лекции по истории социологических учений» за 1946–1947 учебный год [3]. Курс завершала тема «Социологические учения эпохи империализма». Характеризуя исторический период, Н. Н. Андреев обозначил тенденции буржуазной социологии к взаимной

борьбе ввиду односторонности каждого из течений. Неокантианство, вооруженное идеями В. Виндельбанда и Г. Риккерта, освещалось как пример реализации скептицизма относительно необходимости социологии в качестве общей самостоятельной науки. М. Вебер представлен неокантианцем, последователем Г. Риккерта, экономистом и историком.

Подчеркивалось значение человеческой познавательной деятельности в упорядочивании мира явлений посредством выработки понятий. Необходимости и закономерности вносятся в действительность только таким упорядочиванием. Выработка понятий осуществляется двумя способами: родовым и идеально-типическим. Родовые понятия применяются к явлениям природы для выделения в них общего как основы классификации. К историческим явлениям, т. е. общественной жизни, применяются идеально-типические понятия. Тут общее выделить невозможно из-за уникальности явлений, а, следовательно, нет и законов социальной действительности. Идеальные типы помогают лишь аналитически рассмотреть уникальные явления. Н. Н. Андреев считает разделение и противопоставление родовых и идеально-типических понятий у М. Вебера в принципе неверным. Поэтому, он объясняет студентам, что подобные направления мысли несут только вред, отвлекая от исследования закономерностей общественного развития, они враждебны историческому материализму.

М. Вебер в своем творчестве, однако, выражал двоякое отношение к марксизму. Его субъективную составляющую точно и кратко передала Марианна Вебер: «Вебер относился с восхищением к гениальным конструкциям Карла Маркса и считал вопрос об экономических и технических причинах происходящего чрезвычайно плодотворным, более того, специфически новым эвристическим принципом, открывающим познанию целые, до сих пор не освещенные, области. Однако он не только отвергал возвышение этой конструкции до мировоззрения, но и абсолютизацию материальных моментов в виде общего знаменателя каузального объяснения. Ибо непредвзятое исследование уже рано научило его

тому, что каждое явление культурной жизни обусловлено также экономическими факторами, но ни одно из них не обусловлено только ими». [5, с. 293-4].

Были причины личного характера, чтобы принять негативную установку в отношении теории К. Маркса. Еще в юности М. Вебер с матерью присутствовали на евангелически-социальном конгрессе, где главной темой было обсуждение вопроса о противостоянии новой «религии» рабочих, т. е. о материалистическом понимании истории. Он формировался в атмосфере желательного поиска недостатков марксистской концепции. От сложившейся установки он не отказался до конца своей жизни. В конце карьеры в 1918 г. М. Вебер выступил с лекцией под заглавием «Позитивная критика материалистического понимания истории». Не имея достаточно веских аргументов отвергнуть материалистическое понимание истории, М. Вебер допускает марксистский подход как один из возможных, ибо одну из сторон социальной действительности он все же освещает. Однако его позиция конструирования действительности познавательным интересом не могла не привести его к различию выводов ввиду различных установок и интересов с марксистами.

ВЫВОДЫ

Завершение советского этапа истории отечественной социологии, выработавшего высокую оценку начального периода 1920–1940-х гг. как значительного шага вперед по сравнению с дореволюционным этапом [19, 20, 16], ознаменовалось распространением взгляда на данный период как на упадок [17, 18]. Со временем стали появляться аргументированные исследования, признающие противоречивость и историческую ценность социологии тех лет [8, 14]. Существует точка зрения, что эмпирические достижения ранней советской социологии были значительнее теоретических достижений ввиду перехода к историческому материализму в роли социологической теории. Таким образом обесценивается сложная теоретическая работа первых советских социологов-марксистов. Лакмусовой бумажкой уровня теоретизирования всегда выступает по-

лемика с ведущими социологами своего времени. Пример с анализом творчества М. Вебера весьма поучителен.

Прежде исследования восприятия и интерпретации воззрений М. Вебера в творчестве Н. Н. Андреева еще не проводились. Труды Н. Н. Андреева были предметом историко-социологического исследования только благодаря В. И. Клушину еще в советское время. Тогда В. И. Клушин дал оценку научному творчеству Н. Н. Андреева как крупнейшего критика неокантианства с позиций материалистического понимания истории 1920-х гг. [12]. Сегодня эта оценка не устарела.

На основе детального изучения работ Н. Н. Андреева можно сделать вывод, что М. Вебер был ему знаком как учёный. Прежде всего М. Вебер был известен Н. Н. Андрееву по взглядам в таком труде, как «Объективность» социально-научного и социально-политического познания». Помимо фундаментальных вопросов социального познания, Н. Н. Андреев рассматривает взгляды М. Вебера, цитируя его работы в исследованиях по истории германцев, по большей мере оставшихся только в рукописном виде. Для того исторического момента подобный уровень

знаний работ М. Вебера следует расценивать как высокий.

Свою оценку взглядов М. Вебера Н. Н. Андреев строил на основе исторического материализма. В силу этого отношение его было преимущественно критическим и касалось философских вопросов социальной онтологии и эпистемологии. Важно подчеркнуть, что свою позицию Н. Н. Андреев распространял не только в печати, но и в студенческих аудиториях, прежде всего в рамках курсов на философском факультете ЛГУ, что задавало вектор восприятия веберовских воззрений для послевоенного поколения молодых советских ученых.

ИНФОРМАЦИЯ О ФИНАНСИРОВАНИИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00282.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор выражает глубокую признательность наследникам Н. Н. Андреева, оказавшим неоценимую услугу в работе с личным семейным архивом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев Н. Н. Заметки о Вебере. К критике риккерт-веберовских построений. Рукопись. Семейный архив Андреевых. б. г.
2. Андреев Н. Н. К вопросу об отношении между историей и социологией: диссертация. Ленинград, 1946. 203 с.
3. Андреев Н. Н. Лекции по истории социологических учений. Рукопись. Семейный архив Андреевых. 1946–1947.
4. Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания / М. Вебер // Избранные произведения: пер. с нем., сост., ред. Ю. Н. Давыдова. Москва: Прогресс, 1990. С. 345–415.
5. Вебер М. Жизнь и творчество Макса Вебера: Пер. с нем. М. И. Левина / М. Вебер. Москва: РОССПЭН, 2007. 653 с.
6. Водзинский Е. И. Русское неокантианство конца XIX начала XX веков. Марксистско-ленинская критика онтологии и гносеологии / Е.И. Водзинский. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1966. 79 с.
7. Головин Н. А. Макс Вебер: «Все мои симпатии принадлежат русскому освободительному движению»: статьи, письма и очерки классика социологии о революциях, войне и демократии / Н. А. Головин // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. № 4. С. 70–88,
8. Зборовский Г. Е. Отечественная социология: на пути гражданскому обществу: монография / Г. Е. Зборовский. Екатеринбург: УрФУ, 2014. 344 с.

9. Ильенков Э. В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории / Э. В. Ильенков. Москва: Политиздат, 1974. 271 с.
10. Кареев Н. И. Основы русской социологии / Н. И. Кареев. Санкт-Петербург: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996. 368 с.
11. Клушин В. И. Борьба за исторический материализм в общественных науках Советской России, 1918–1925 гг.: в 2 т.: дисс. ... д-ра филос. наук / В. И. Клушин. Ленинград, 1971б. 753 с.
12. Клушин В. И. Первые ученые-марксисты Петрограда. Ленинград: Лениздат, 1971а. 340 с.
13. Кодзима С. Восприятие работ М. Вебера в России начала XX в. и «веберовский ренессанс» конца XX в. / С. Кодзима // Социологические исследования. 2009. № 6. С. 121–131.
14. Козлова Л. А. Послереволюционная российская социология: неудавшаяся попытка советизации / Л. А. Козлова // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 105–113.
15. Лукач Г. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике / Г. Лукач. Москва: Логос-Альтера, 2003. 416 с.
16. Малинин В. А. Исторический материализм и социологические концепции начала XX века / В. А. Малинин. Москва: Наука, 1986. 214 с.
17. Осипов Г. В. Возрождение социологии в России: как это было на самом деле / Г. В. Осипов // Наука-культура-общество. 2008. № 3. С. 4–16.
18. Фирсов Б. М. История советской социологии: 1950–1980-е годы / Б. М. Фирсов. СПб.: Европейский ун-т в СПб., 2012. 476 с.
19. Чагин Б. А. Очерк истории социологической мысли в СССР (1917–1969) / Б.А. Чагин. Ленинград: Наука, 1971. 244 с.
20. Чагин Б. А. Исторический материализм в СССР в переходный период (1917–1936 гг.). Историко-социологический очерк / Б.А. Чагин, В. И. Клушин. Москва: Наука, 1986. 440 с.
21. Emmenegger C. 2019. Max Weber on Russia: Between Modern Freedom and Ethical Radicalism. *The Russian Sociological Review*, vol. 18, pp. 89–106.
22. Universitätsarchiv Heidelberg, Akademische Quästur, Akten der Universitätskasse, Rep. 27, 1470.
23. Universitätsarchiv Heidelberg, Studentenakten, 1900/10 Nikolai Andrejew, A№1373.
24. Weber M. 1904. Die „Objektivität“ sozialwissenschaftlicher und sozialpolitischer Erkenntnis. *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*. 19. Bd. Heft 1. pp. 22-87.

RESEARCH ARTICLE

DOI: 10.21684/2587-8484-2023-7-2-19-32

UDC 662.5

Considering Max Weber's ideas in early Soviet Marxism: example of N. N. Andreev

Mikhail V. Sinyutin¹

¹ Dr. Sci. (Soc.), Professor, Department of sociology, Saint Petersburg state university; associate researcher of the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia
m.sinutin@spbu.ru

Abstract. Improving the knowledge of the early period of development of Soviet sociology (1920–1940s) continues to be relevant. Of great benefit are the biographical point of development. For example, during this period the active scientific and educational activity of Nikolai Andreev (1876-1956) proved to show him as one of the creators of the Soviet sociological tradition of materialistic understanding of history. Typical and illustrative aspect of his work is the critical understanding of Max Weber's ideas, presented both in publications and in university lectures. This article is devoted to the analysis of this issue. The article contributes to the emerging discussion in the sociological literature regarding the understanding of the role and place of the early period of Soviet sociology. The proposed approaches and solutions lead to the conclusion about the significance of the achievements made by sociologists of this time not only in the field of empirical research, but primarily in the field of theory. Theoretical developments were marked by the justification of the possibilities and advantages of the materialistic understanding of history over other sociological methods. A good example is the critical assessment of N. N. Andreev's views of Max Weber, which were considered as a neo-Kantian way of forming the methodology of the social sciences. N. N. Andreev specialized in issues that were at the center of the polemics of Marxism and neo-Kantianism in the early XX century. Therefore, his attitude to Weber's work, to the extent that it was available to domestic researchers at that stage, characterizes the general level at which Soviet sociological theory was located and in what direction it was developing.

Keywords: Nikolai Nikolaevich Andreev, neo-Kantianism, Max Weber, Soviet sociology, historical materialism.

Citation: Sinyutin M. V. 2023. "Considering Max Weber's ideas in early Soviet Marxism: example of N. N. Andreev" // *Siberian Socium*, vol. 7, no. 2 (24), pp. 19-32.
DOI: 10.21684/2587-8484-2023-7-2-19-32

Acknowledgements. The author expresses his deep gratitude to the heirs of N. N. Andreev, who provided a valuable service in working with the personal family archive.

REFERENCES

1. Andreev N. N. "Lektsii po istorii sotsiologicheskikh ucheniy. Rukopis". Semeynyy arkhiv Andreevykh. 1946-1947" [Lectures on the history of sociological teachings. Manuscript. Andreev family archive. 1946–1947].
2. Andreev N. N. "Zametki o Vebere. K kritike rikkert-veberovskikh postroeniy. Rukopis". Semeynyy arkhiv Andreevykh" [Notes on Weber. To a critique of Rickert-Weber constructions. Manuscript. Family archive Andreev. b. G.].
3. Andreev N. N. 1946. K voprosu ob otnoshenii mezhdru istoriey i sotsiologiyey. Dissertatsiya [To the question about the relationship between history and sociology. Thesis]. Leningrad.

4. Chagin B. A. 1971. Oчерk istorii sotsiologicheskoy mysli v SSSR (1917–1969) [Essay on the history of sociological thought in the USSR (1917–1969)]. Leningrad: Nauka.
5. Chagin B. A., Klushin V. I. 1986. Istoricheskiy materializm v SSSR v perekhodnyy period (1917–1936 gg.). Istoriko-sotsiologicheskii oчерk [Historical materialism in the USSR during the transition period (1917–1936). Historical and sociological essay]. Moscow: Nauka.
6. Emmenegger C. 2019. Max Weber on Russia: Between Modern Freedom and Ethical Radicalism. *The Russian Sociological Review*. vol. 18. pp. 89–106.
7. Firsov B. M. 2012. Istoriya sovetской sotsiologii: 1950-1980-e gody [The History of Soviet sociology: 1950-1980-s.]. Saint Petersburg: European University in Saint Petersburg.
8. Golovin N. A. 2017. “Maks Veber: “Vse moi simpatii prinadlezhat russkomu osvoboditel’nomu dvizheniyu”: stat’i, pis’ma i oчерki klassika sotsiologii o revolyutsiyakh, voyne i demokratii” [Max Weber: “All my sympathies belong to the Russian liberation movement»: articles, letters and essays of the classic of sociology about revolutions, war and democracy]. *Journal of sociology and social anthropology*. no. 4. pp. 70–88.
9. Ilyenkov E. V. 1974. Dialekticheskaya logika. Oчерki istorii i teorii [Dialectical logic. Essays on history and theory]. Moscow: Politizdat.
10. Kareev N. I. 1996. Osnovy russkoy sotsiologii [Fundamentals of Russian sociology]. Saint Petersburg: Ivan Limbach Publishing house.
11. Klushin V. I. 1971a. Pervye uchenye-marksisty Petrograda [The First Marxist scientists of Petrograd]. Leningrad: Lenizdat.
12. Klushin V. I. 1971b. Bor’ba za istoricheskiy materializm v obshchestvennykh naukakh Sovetskoy Rossii, 1918–1925 gg.: v 2-kh t.: dissertatsiya doktora filosofskikh nauk: 09.00.00. [The Struggle for historical materialism in the social sciences of Soviet Russia, 1918–1925: in 2 vols.: dissertation of the doctor of philosophy: 09.00.00]. Leningrad.
13. Kojima S. 2009. “Vospriyatие rabot M. Vebera v Rossii nachala XX v. i «veberovskiy renessans» kontsa XX v.” [Perception of M. Weber’s works in Russia at the beginning of the XX century and the “Weber Renaissance” at the end of the XX century]. no 6. pp 121–131.
14. Kozlova L. A. 2016. “Poslerevolutsionnaya rossiyskaya sotsiologiya: neudavshayasya popytka sovetizatsii” [Post-Revolutionary Russian sociology: a failed attempt at Sovietization]. no. 12. pp. 105–113.
15. Lukach G. 2003. Istoriya i klassovoe soznanie. Issledovaniya po marksistskoy dialektike [History and class consciousness. Research on Marxist dialectics]. Moscow: Logos-Altera.
16. Malinin V. A. 1986. Istoricheskiy materializm i sotsiologicheskie kontseptsii nachala XX veka [Historical materialism and sociological concepts of the early XX century]. Moscow: Nauka.
17. Osipov G. V. 2008. Vozrozhdenie sotsiologii v Rossii: kak eto bylo na samom dele [Revival of sociology in Russia: as it really was]. *Science-culture-society*. no. 3. pp. 4–16.
18. Universitätsarchiv Heidelberg, Akademische Quästur, Akten der Universitätskasse, Rep. 27, 1470.
19. Universitätsarchiv Heidelberg, Studentenakten, 1900/10 Nikolai Andrejew, A№1373.
20. Vodzinsky E. I. 1966. Russkoe neokantianstvo kontsa XIX nachala XX vekov. Marksistsko-leninskaya kritika ontologii i gnoseologii [Russian neo-Kantianism of the late XIX-early XX centuries. Marxist-Leninist criticism of ontology and epistemology]. Leningrad: LSU Publishing house.
21. Weber M. 1904. Die „Objektivität“ sozialwissenschaftlicher und sozialpolitischer Erkenntnis. *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*. 19. Bd. Heft 1. pp. 22–87.
22. Weber M. 2007. Zhizn’ i tvorchestvo Maksa Vebera: Per. s nem. M.I. Levina [The life and work of max Weber: transl. M. I. Levin]. Moscow: ROSSPEN.
23. Weber M. 1990. «Ob’ektivnost’» sotsial’no-nauchnogo i sotsial’no-politicheskogo poznaniya [The “objectivity” of socially scientific and sociopolitical knowledge]. Moscow: Progress, pp. 345–415.
24. Zborovsky G. E. 2014. Otechestvennaya sotsiologiya: na puti grazhdanskomu obshchestvu: monografiya [Domestic sociology: on the way to civil society: a monograph]. Yekaterinburg: UrFU.